

О войне и детстве в районе Шаболовки, учебе в третью смену и спорте на химическом факультете

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1453>

13 сентября 2012

Собеседник

Кузяков Юрий Яковлевич

Ведущий

Богатова Татьяна Витальевна

Дата записи

Беседа записана 13 сентября 2012 и опубликована 20 декабря 2012.

Введение

Доктор химических наук, профессор Юрий Яковлевич Кузяков вспоминает о своем детстве, которое пришлось на годы войны. Война началась, когда он закончил первый класс, и первые два самых страшных года он провел с родителями в Москве. Он видел раненых солдат, которых привозили в его школу, переоборудованную в госпиталь, и главным впечатлением для него стало то, что война — это очень страшно и вовсе не то, что показывают в кино. Он говорит о том, как уважительно относились учителя к ученикам его школы, благодаря чему дети учились ответственно и хорошо разбирались в предметах. Одним из таких учителей была преподавательница химии, которая настолько увлекла его, что он решил поступить на химический факультет, где отношение к студентам было такое же уважительное, как в школе, а спорт играл большую роль.

Юрий Яковлевич Кузяков: Начнем с самого детства. Что я есть?

Татьяна Витальевна Богатова: Да, откуда произошла ваша семья? Кто вы? Кто были родители?

Ю.К.: Я — Кузяков Юрий Яковлевич, родился в 1932 году в городе Москве. Что касается моих родителей: отец из Рязанской губернии, из крестьянской семьи, который в 17 лет вместе со своим старшим братом ушел из деревни в Москву на заработки. Когда ему исполнилось 18 лет, его взяли в армию, и он стал воевать. Сначала Первая Империалистическая война, потом гражданская война, потом его судьба метала по всем городам и странам: и Кавказ, и Сибирь, и Урал, и потом север нашей страны. В Вологде он нашел свою жену. Она была из большой семьи сельского учителя. Они переехали в Москву, где я и родился.

Т.Б.: А он все это время был военным?

Ю.К.: Он был военным. Потом он ушел со службы, я не знаю, когда, не интересовался. Во всяком случае, когда я его уже помню, он уже не был военным, демобилизовался. И практически все время, сколько я помню, он и потом его жена работали здесь в Москве в Наркомате текстильной промышленности.

В эвакуированной Москве

Что касается моего детства, мне, конечно, очень трудно вспоминать. В 1940 году пошел в первый класс общеобразовательной школы, школа была рядом (буквально через дорогу), закончил первый класс, и началась война. Практически все время войны мы жили в Москве. Тут смешная история, потому что Наркомат легкой промышленности эвакуировал мать и меня в Барнаул где-то в конце января 42-го года, когда уже многие возвращались. И когда мы приехали в город Барнаул, отца взяли в армию. Мы остались вдвоем с матерью, конечно, жизнь была не сахар, но, тем не менее, мы в январе 43-го года приехали обратно в Москву. Там мы застали еще несколько бомбежек в 43-м.

Но вот 41-й год я помню очень хорошо. У нас была школа, как я уже сказал, и аппендикс этой школы представлял собой физкультурный зал. Школа была превращена в госпиталь, а физкультурный зал был переделан в приемное отделение. А перед физкультурным залом были такие большие площадки, где раньше играли в баскетбол, волейбол. Сюда приезжали санитарные машины, выгружали раненых. Это был июль—август 41-го года. Конечно, это было страшное зрелище, потому что там были молодые солдаты с оторванными руками, раненые... Их просто выставляли на землю (было тепло), потом приходили санитары, их забирали в приемное отделение. Некоторые лежали минут по 10–20. Вокруг них сразу собирались женщины, жившие на наших улицах. Там были во многих местах одноэтажные-двухэтажные домишки, окраина... Ну, это Даниловский рынок, Шуховская башня. До Кремля можно было пройти за 30–40 минут. Но тогда это была окраина. Хочу сказать, что что такое война мы знали не понаслышке: мы, мальчишки, подбегали к солдатам, слушали, а женщины интересовались у солдат: «Ты там на войне не видел моего?» Как будто можно было кого-то там найти, но случаи бывали.

” Солдаты рассказывали, что такое война, что такое трупы, что такое взрывы. Это вот осталось впечатлением детства, что война — это страшная вещь, это совсем не то, что показывают в кино.

Т.Б.: А что они рассказывали?

Н: Не хочу об этом говорить, это ужасные вещи. Они рассказывали, как нужно было переправляться через реку — шли по трупам, которые заполняли всю реку, ужасные вещи. Они были еще молодые, война только началась, они рассказывали многое. Их привозили через день, через два после того, как они уходили.

Нас бомбили, поскольку Шуховская башня была. Нам объяснили, что нас сильно бомбить не будут,

поскольку Шуховская башня была самой высокой точкой над Москвой, и немецкие летчики использовали ее как ориентир, но зато сколько зажигалок на нас сыпалось, это был кошмар! У нас было печное отопление, в каждом дворе сараи с дровами. Мальчишки собирали песок, делали кучи песка, для того чтобы с его помощью тушить бомбы. Когда дядя Ваня из третьей квартиры достал очередную зажигалку с крыши сарая и кинул вниз, в кучу песка, тот парень, чья была куча, был страшно горд, что зажигалка досталась ему, а не мне. Бомб было много. Все стояли и смотрели. Некоторые прятались (у нас была щель-укрытие), но как там можно прятаться, когда самолеты летают, прожектора их ловят, как зажигалка падает на булыжную мостовую, отскакивает... Конечно, нам по шее за это давали, но нам это было интересно.

Т.Б.: В основном были дневные бомбежки?

Ю.К.: Нет, в основном ночью бомбили, причем они очень аккуратно, кажется, в 9 часов вечера начинали бомбить и до глубокой ночи, но все стояли и смотрели. Я единственный раз видел, как летит фугасная бомба. Никогда не думал, что это огненный шар. Все стояли, смотрели, и вдруг раздался такой высокий звук, как в кино, все упали на землю, и я, падая, увидел, как по небу мчится какой-то красный шар, больше я ничего не помню. Помню только, когда я упал, раздался такой «бум-м-м-м» от взрыва, и посыпались стекла у нас в домах. Утром мы побежали на то место посмотреть, что там случилось. Бомба попала за сквер в дома, и у одной пятиэтажки рухнула одна стена, и было видно все квартиры как в разрезе. Это было утро, а в 11 часов уже там была милиция, которая занялась там работой.

Но самое большое впечатление, безусловно, это были раненые солдаты, их рассказы, это кошмарные вещи. Вот, в общем-то, о войне.

Т.Б.: А вы были весь 42-й год в Москве, и что там тогда происходило?

Ю.К.: Я не буду рассказывать. Это же 17 октября. Я сам не видел, как там жгли библиотеки на кострах, жгли сочинения Сталина, Ленина, Маркса, Энгельса, поскольку говорили, что когда немец придет, он первым делом будет расстреливать тех, у кого будут эти книги, коммунистов. Дескать, немцы шли освобождать российский народ от коммунистов. Не хочу об этом, ужасные воспоминания.

Не могу представить, почему нас не эвакуировали. Было холодно, многое в Москве сгорело, есть было нечего. Что мы делали, чтобы утолить голод? Курили, собирали бычки, и, когда покуришь, то голод отступает.

Т.Б.: А вы в это время в школу ходили?

Ю.К.: Нет, занятия в первый семестр совершенно прекратились, а вот когда мы уехали в Барнаул, меня взяли сразу во второй класс, так что я год не потерял, только полгода. Когда вернулся в Москву, я пошел в третий класс, хотя тоже полгода я потерял: мы вернулись в январе 42-го. Половину третьего класса я пропустил, но поскольку и первый и второй классы я окончил хорошо, то мне простили. Но меня сразу не взяли в ту школу, которая была с нами рядом, потому что она продолжала быть госпиталем, и до сегодняшнего дня там челюстно-лицевой госпиталь.

Возвращение в Москву. О школе на Шаболовке

Т.Б.: А вы вернулись к себе в дом?

Ю.К.: Да. Там забили окна фанерой, потом уже стекла поставили. Жили в коммунальной квартире, в 14-метровой комнате я, отец и мать. Зато было печное отопление. Я жил там до того момента, когда я женился. Это был 54-й год, я ушел к жене жить. Поскольку я уже был после школы мужчина, пришлось научиться пилить бревна, колоть дрова, топить печку.

До сих пор, куда я ни приезжаю, всюду топлю печку. Ведь дров было мало, и топить нужно было так, чтобы не оставалось головешек, и тогда все тепло остается в печке.

Т.Б.: А вот вы говорите, у вас в трехкомнатной квартире была одна печка или в каждой комнате своя?

Ю.К.: Была печка-голландка. На нашу комнату была одна печка, а на две другие — тоже одна печка. Была кухня, туалет. На кухне была большая плита, которая тоже топилась дровами, но которую за всю мою жизнь топили, наверное, раз или два. Она была громадная, и чтобы ее всю обогреть, требовалось большое количество дров. А готовили на керосинках. Меня посылали за керосином, еще до войны.

Я окончил повествование на том, что я пошел в третий класс. Школы были переполнены, потому что не все школы работали, некоторые были переделаны в госпитали. Спасибо тому, что в нашей квартире жила учительница младших классов, которая работала в школе, которая находится в конце Шаболовской улицы, напротив Апаковского трамвайного депо, почти у площади Калужской. Она меня устроила в ту школу, я там кончил третий класс, окончил тоже хорошо и в четвертый класс пошел в школу, которая была близко от нас (примерно два квартала от дома), 545-я мужская средняя школа, которую я и окончил. Нужно сказать, что перед войной было построено много школ в шаговой доступности. Сейчас говорят, что куда-то возят мальчиков, далеко, неудобно. А школ было много в округе.

Я очень благодарен своей школе: школа была нашим вторым домом. У нас была очень хорошая школа, с нами очень хорошо обращались.

Хотя в конце войны (44–45-й год) мы учились в третью смену, занятия начинались в 17 часов, мы писали не в тетрадках, а на оберточной бумаге. Я не помню с 4-го по 7-й классы, но вот с 8-го по 10-й я помню, что отношение к ребятам было очень доверительное, уважительное отношение, это очень поддерживало авторитет.

Мы после войны, когда еще были в школе, перестали гулять на улице. Раньше мы запускали змей, была большая компания. А потом мы все время бежали в школу, там можно было поиграть в футбол, волейбол, побегать, попрыгать, там была вся жизнь. Нам давали ключи от залов. Мы там играли после уроков, когда была плохая погода. Такое было отношение. Помню, однажды мы что-то не убрали в раздевалке и ушли. Нас вызвал директор и сказал: «Мужики, кто же за вас будет убирать? Ну-ка швабры в руки, марш убирать!» И все. Были нормальные уважительные отношения, чтобы ключи от залов давать ученикам.

И на уроках также были уважительные отношения. У нас были разные учителя, но все были хорошими. Двоечников не было, все учились. Я окончил школу с золотой медалью, нас было много с золотом, человек 7 или 10. Учителя нам давали не только знания, но и понимание предмета, что очень важно. Был у нас такой математик — Исаак Львович Агранович, и он научил нас за сухими цифрами видеть красоту решения задачи, получать удовольствие от решения. У нас был преподаватель по литературе, и в классе на его уроках — а сидели одни мальчишки! — было так тихо, что муху было слышно (это притом, что школа была полностью из мальчишек).

Он нам рассказывал и читал о Брюсове, читал Велимира Хлебникова, читал Маяковского и говорил, что Маяковский практически все украл у Хлебникова.

Говорил: «Давайте проведем анализ!» Он проводил анализ того, как влияет жизнь человечества на его литературу, язык, что выражал Блок, например. Такие вещи он рассказывал очень интересно. Я знаю,

что многие мои сверстники вообще о таких вещах не знают, об этом куске российской литературы после революции. У нас был прекрасный географ, который рассказывал, что такое Земля, как Солнце нагревает океан, как океан испаряется, как вращение Земли влияет на создание ветвей, почему образовался Гольфстрим, и почему на Руси есть такое поверье: если солнышко садится за тучу, то будет дождь. Почему с точки зрения общих представлений о движении Земли и всего прочего? Почему реки, текущие с севера на юг, например, Днепр, имеют правый берег крутой, а левый — низкий. Все это он рассказывал, хотя и требовал от нас многого. Такие задачи он давал: мы садимся на пароход в Ленинграде и едем вокруг Норвегии, в Баренцево море, потом Карское море, и доехали до Владивостока. Все это без карты, или он приносил «слепые» карты. Вы должны были рассказать, как поедете, по каким проливам, где будете заправляться, почему именно там, а не где-нибудь еще. Вот такие преподаватели.

Помню до сих пор, как я сдавал экзамен по географии. Это было в 9-м классе. Я вышел, взял билет. Экзамен принимал географ, еще несколько учителей, физик, по-моему, и другие. Мы сдавали классами определенное количество экзаменов. В 7-м классе у нас было 13 экзаменов. Это было хорошо, если не требует зубрежки, а требует понимания. Это мобилизует человека систематизировать свои знания, это очень важно. Так вот, вопрос билета был про Австрию, географическое, экономическое положение. Географ взял билет и говорит: «Да, про это ты все уже знаешь. Лучше расскажи, какое полушарие теплее, а какое холоднее — северное или южное?» Я ему рассказал, он поставил мне пять.

С учителями мы ладили, никто об учителях плохо не отзывался, все их уважали. Было колоссальное количество кружков. Был волейбол, нас приходили учить выпускники, студенты или аспиранты Института физкультуры. Какой-то мастер спорта Апухтин, который играл за ЦСКА, вел у нас кружок футбола, показывал нам, как ставить удар, финты всякие. Это была наша жизнь! Без школы было абсолютно невозможно.

В годы советской власти (мы были мальчишками старших классов) было очень много развито домов пионеров. В школе все были пионерами, комсомольцами. В домах пионеров было колоссальное количество кружков на все случаи. Все было бесплатно! Никто не думал о том, что нужно платить. Приезжай, записывайся! Я, например, в Доме пионеров играл в шахматы. В школе у нас вели волейбол. Было здорово, было интересно. Была сильно развита физическая культура, все были увлечены.

В 9-м классе мы с моим приятелем (Ростислав Дмитриевич Карцев, мы с ним до сих пор дружим, ему скоро будет 80 лет) увлеклись академической греблей. Мы жили с ним в одном районе. На стрелке Москвы-реки, за «Ударником», была база академической гребли, мы с 9-го класса туда пошли, почему-то нам понравилось, и мы начали туда ходить, и доходились до того, что, когда я был на втором курсе, мы уже выступали на первенстве Союза за «Крылья Советов». Так что школа мне преподавала вот такие уроки поведения, отношения к жизни, благодарности учителям. Учитель мог вам рассказывать все что угодно, вам одному или всему классу. Мы очень уважали всех учителей, и учителя понимали, что мы тоже достойны уважения.

У нас в мужской школе был хоровой кружок, и люди ходили на пение. И вот был такой случай, когда весь класс, приветствуя учителя (нас было 35 человек), стоял и пел не переставая. Песня была что-то про ласточку-касаточку быстрокрылую.

 Учитель входил, а класс стоит и поет! Учитель брал журнал, говорил: «Отставить! Садись!»

И он рассказывал нам, как Горький встречался с Шалапиным, что они обсуждали. Этого в учебниках не прочтешь. Или как анализировать какое-нибудь произведение Чехова, какие средства описания...

Ребята, конечно, шкодили, удирали с уроков (по водопроводным трубам спускались с третьего этажа), все, что угодно! У нас был один такой парень, который очень провинился перед классом (у нас был очень дружный класс, но кто-то какую-то гадость сделал, и его решили проучить), и вот когда мы перед уроком

стояли и встречали учителя, вздохнули, как бы собираясь запеть и замолчали, и он один в тишине начал петь «эх, ласточка-касаточка»... (*Смеется.*) Вот так проучили остроумно. Учитель на него посмотрел и сказал: «Вон из класса!»

Конечно, ребята шkodили, это нормальная жизнь. Решили вокруг школы посадить деревья, вдоль забора. Взяли две машины, мы поехали куда-то в Черемушки или в Ясенево за саженцами, целый день их грузили, привезли, посадили (они до сих пор растут), а на следующий день нужно было идти в школу, и мы (два класса) решили прогулять. Сделать себе выходной. Куда прогулять? Пойти в кинотеатр «Ударник» на первый сеанс. Прогул — это не очень хорошо, поэтому мы разрешили остаться старосте класса, комсоргу класса, чтобы их не дискредитировать. Вот такие отношения были между людьми — учителями, учениками.

Тот же самый Исаак Львович Агранович делал такие вещи. Вы знаете, мальчишки любят играть в «вышибалки». У нас были прекрасные туалеты, и там были большие мраморные подоконники, и на них было очень удобно играть в «вышибалки». И вот Исаак Львович подходил сзади, достает пять копеек и говорит: «Пробей на пятак!»... (*Смеется.*) И никаких последствий. Умели понять ученика.

” Великая вещь, которую дала мне школа, — это осознание того, как вести себя в жизни, какие бывают люди, как с ними вести себя, ценить людей, которые много знают, понимать. Вот понимание — это самое важное.

Наш географ нам рассказал, где Кордильеры, где Анды, какой водопад самый большой. «Да Ниагара ерунда, там всего 54 метра, давайте посмотрим Викторину или Стенли, там сотни метров, а самый большой — километр! А вы — Ниагара-Ниагара!». «А где такой огромный водопад?» «А вы поищите!» Заинтересовать умел! Я до сих пор географию знаю лучше, чем мои дети.

Но должен сказать, что в химии я всем обязан своей учительнице. Она прекрасно вела у нас предмет, рассказывала все очень интересно. Настолько интересно, что наша школа поставляла на химфак МГУ каждый год 2–4 человека, в течение нескольких лет! В моем классе пятеро поступили на химфак.

Увлечение химией. Поступление на химфак

Т.Б.: И кто это был? Она осталась в химии?

Ю.К.: Я даже не знаю... Остался Андрей Рыков, я его знал более-менее. Других я потерял как-то. А Андрей, к сожалению, умер, но он был радиохимик, работал в каком-то закрытом институте. Как-то он приехал, когда мы были уже большие. «Вот, — говорит, — в Кремль вызывали, заработал!» Лезет в карман и достает Орден Ленина. Он работал над созданием атомной бомбы. Тогда Курчатовского института не было, а был ЛИПАН — Лаборатория исследований и производства Академии наук. Я так думаю, что он облучился и ...

Т.Б.: Наверное, техника безопасности тогда еще была несовершенная.

Ю.К.: Техника была на самом высоком уровне с самого начала по рассказам Андрея. Но техника безопасности хороша тогда, когда ты знаешь, с чем работаешь, от чего нужно защищаться. А если ты не знаешь, то пользоваться можно только своей химической интуицией, и, чем больше ты можешь предугадать, тем лучше. Вот, например, у Юнга есть такая книга «Ярче тысячи солнц» (книга о создании американцами атомной бомбы), где описан случай, когда критическую массу собирал на столе сержант морской пехоты, складывая вместе два куска урана и измерял количество выделяющихся нейтронов. Все это в руках!

Т.Б.: И как только не взорвалось?

Ю.К.: Это уже квалификация. Другое дело, тот сержант через неделю умер, как пишет Юнг. Неизвестно было, как это действует на человека. И в этом плане было очень многое сделано для создания безопасных условий труда, основанного на их опыте. Ведь было колоссальное количество неизвестного.

Итак, я провел счастливое детство в школе и поступил на первый курс химического факультета МГУ.

Т.Б.: То есть увлечение химией зародилось еще в школе.

Ю.К.: Да! Этим преподавателем была известная Мария Андреевна Володина. Она была здесь ассистентом, а в школе подрабатывала. Вот Радька Хомутов, он до сих пор член-корреспондент Овчинниковского института. Марат Карпейский остался химиком. Это все наша школа и ее ученики, так что Марии Андреевне Володиной я очень благодарен, что я стал химиком. Она была очень симпатичная женщина, и полкласса в нее было влюблено.

Случай хочу рассказать. У нас в школе был актовый зал, и там проходили танцальки, как сейчас дискотеки. Тогда говорили, что нужно танцевать краковяк, а фокстрот нельзя (борьба с космополитизмом велась). Ставили пластинки и танцевали. И вот в один из моментов погас свет в зале, и тогда Мария Андреевна села за рояль и начала играть что-то танцевальное! Вот это было здорово!

Вот так мне повезло с учителями и школой. Потом я получил золотую медаль и пошел в университет. Со мной пошли еще четыре человека: Андрюша Рыков, Володька Мещеряков, Толька Зайцев и Ленечка Рыбин. Это был 50-й год, это было старое здание химического факультета: два корпуса — белый и красный. Тогда принимали с золотой медалью без экзаменов, только собеседование. У меня собеседование проводил Николай Константинович Кочетков. И мы не раз с Николаем Константиновичем об этом вспоминали. Он уже умер, но у нас оставались очень добрые отношения. На собеседовании он у меня спросил, как из бензола получить хлорбензол. Этот простой путь получения написан в каждом учебнике, я его помнил и рассказал. Он ответил, что им получать, конечно, можно, но так никогда не делают, потому что выходы получаются колоссально маленькие. Но, в общем, собеседование я прошел.

Т.Б.: А какие вопросы задавали на собеседовании еще?

Ю.К.: В первую очередь были химические вопросы. Еще при поступлении просили написать заявление, где нужно было указать, на какую кафедру хотели. Это не значит, что вы будете обязаны туда пойти. Я написал, что хотел на органическую химию. И еще нужно было написать, чем вы можете помочь химическому факультету. Умеете ли петь, танцевать, каким спортом занимаетесь? Я написал, что умею в волейбол играть, в шахматы. Я подавал документы в августе, меня тут же нашли, и уже 1 сентября я играл за сборную химического факультета в волейбол (на Кубок факультетов).

Т.Б.: Вообще, хорошая практика — задавать такой вопрос в анкете!

Ю.К.: Я также написал про шахматы, и меня позвали играть. Показали какого-то человека, то ли аспиранта, то ли студента, предложили сыграть просто так, легкую партию. Я согласился и выиграл у него. Он предложил еще раз сыграть, и второй раз я проиграл. В итоге меня посадили на четвертую или пятую доску. Я играл очень долго. С Горшковым мы играли вместе, из старой гвардии.

А спорт был очень сильно развит на факультете. У нас был спортсовет, а председателем его был Игорь Иванович Грандберг*. Он был хороший председатель, хороший организатор. Ведь надо было не только написать, нужно было привлечь человека. «Чего-то не понимаешь в химии? Приходи на тренировку в волейбол, Алеша Юдин с нами играет, он тебе заодно поможет разобраться, понять!» С ним было очень здорово! Вообще мое знакомство с Игорем Ивановичем началось с того, что были какие-то игры, я должен был играть за факультет, но не пришел. И вот, встречаюсь с Игорем Ивановичем, и он мне говорит: «Слушай, Кузяков, почему не пришел на игру? Вот еще раз не придешь — вызовем на спортсовет!» (*Смеется.*) Вот так у нас было на химическом факультете.

* Речь идет об Игоре Иоганновиче Грандберге.

Я могу сказать, что, придя на химический факультет, я с радостью обнаружил, что это продолжение

школы. На химическом факультете очень хорошо относятся к студентам, очень уважительно. Более того, я могу сказать, что в то время доценты и ассистенты до того момента не ставили зачет, пока не поймут, что студент понял.

У меня еще хорошее отношение к гребле. На втором курсе нашей четверке сказали, что мы будем выступать за команду мастеров на первенство Союза. Проходили сборы, нужно было поехать, прямо в учебное время. Центральный совет писал бумагу на имя декана с просьбой отпустить на месяц! Это было в сентябре, на втором курсе. Я взял эту бумагу и пошел. Костин Николай Константинович, который был единственным заместителем декана, посмотрел на меня: «Не успел начать учиться, его уже отпускают! Как сдал прошлый год?» — «На пятерки, без четверок!» — «А не боишься, что провалишь учебу?» Вопрос по существу. Но я посчитал, что я смогу. Я успевал и там и тут. Утром я шел на тренировку, потом шел на Моховую учиться, а вечером, к пяти, бежал на вторую тренировку.

Учился я легко, получал Сталинскую стипендию. Но был у меня конфуз. Меня взяли на спецпоток. Это была специальная группа студентов, которых готовили в Средмаш [Министерство среднего машиностроения СССР] для работы для утилизации отходов ядерной промышленности. Мы имели большие льготы, у нас был индивидуальный учебный план. Мы не проходили военное дело. Поскольку я учился на одни пятерки, у меня была повышенная стипендия, она составляла 75 рублей. Когда я стал получать Сталинскую стипендию, я получал 70 рублей! (смех) Получилось даже меньше, чем было!